

УДК 316.33

СФЕРНАЯ КОГЕРЕНТНОСТЬ ОБЩЕСТВА КАК ИМПЕРАТИВ ЕГО УСТОЙЧИВОСТИ И ПРОГРЕССА

С. А. ШАВЕЛЬ¹⁾

¹⁾Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассмотрена когерентность (сцепление, взаимопроникновение) основных сфер общества: экономики, политики, социальной сферы и духовно-культурной жизни. Проведен анализ двух основных социологических парадигм – реализма и номинализма. Выделены также три парадигматических примера (по словам Т. Парсонса): общество как часть природы, общество как организм и общество как самодостаточная целостность. Раскрыты их ограничения. Показан механизм взаимообменов между основными сферами общества по схеме «вход – выход».

Ключевые слова: когерентность; конгруэнтность (подобие); сфера общества; социальная сфера; социологический реализм; социологический номинализм; холизм; социальное наследование.

SPHERAL COHERENCE OF SOCIETY AS AN IMPERATIVE OF ITS SUSTAINABILITY AND PROGRESS

S. A. SHAVEL^a

^aInstitute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, 1 Sorganava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

Considered is the coherence (cohesion, interpenetration) of the main spheres of society: economy, politics, social sphere, spiritual and cultural life. Two basic sociological paradigms – realism and nominalism – are given analysis to. Three paradigmatic examples (according to T. Parsons) are highlighted: society as part of nature, society as an organism and society as a self-sufficient integrity. Their limitations are revealed. The mechanism of interchange between the main spheres of society according to the scheme «entrance-exit» is described.

Key words: coherence; congruence (similarity); sphere of society; social sphere; sociological realism; sociological nominalism; holism; social inheritance.

В стенах аудитории (как и в науке в целом) не имеет значения никакая добродетель, кроме одной: простой интеллектуальной честности.

М. Вебер

Известное древнее вопрошание *Quo vadis?* (лат. – куда идешь?) есть экзистенциальное осмысление совместного бытия, единства сообщества (коллектива), выбора пути, сохранения общего дома (общезития), т. е. стремления к познанию своего общества. В церковно-славянской транскрипции это выражение имеет форму: «Камо грядеши?» (якобы такой вопрос о грядущем христиан-

ства апостол Петр задавал самому Христу). Вместе с тем ряд авторов, в числе которых выдающийся польский писатель Г. Сенкевич, получивший Нобелевскую премию за одноименный роман, толкует это вопрошание как трехчлен и во множественном числе: «Кто мы, откуда мы и куда мы идем?» В такой формулировке оно касается не отдельных индивидов, а целых народностей, наций, этносов,

---

Образец цитирования:

Шавель С. А. Сферная когерентность общества как императив его устойчивости и прогресса // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 12–23.

For citation:

Shavel S. A. Spherical coherence of society as an imperative of its sustainability and progress. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 12–23 (in Russ.).

Автор:

Сергей Александрович Шавель – доктор социологических наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Sergei A. Shavel, doctor of science (sociology), full professor; principal researcher.
d-v-nazarova@yandex.by

как это показано в романе Г. Сенкевича. С социологической точки зрения только в такой интерпретации оно приобретает онтологическое содержание и подлинное экзистенциальное значение. По сути, эти вопросы равносильны знаменитой триаде И. Канта:

- «1. Что я могу знать?
2. Что я должен делать?
3. На что я могу надеяться?» [1, с. 598].

Но если у И. Канта это интеллектуально-психологические вопросы (к тому же притязания разума он ограничил тремя предметами – свободой воли, бессмертием души и бытием Бога, что уже тогда, в 1787 г., интересовало скорее теологов, чем исследователей), то *Quo vadis?* – вполне социологично, ибо направлено на когнитивный анализ конкретного общества, к которому принадлежат субъекты познания.

В одном из своих первых выступлений в роли генсека и главы государства Ю. В. Андропов высказал следующую мысль: «Мы плохо знаем общество, в котором живем». Многим она показалась непонятной, даже загадочной, некоторые в глубине души не приняли ее, особенно руководители различных уровней, которые твердо верили в то, что знают свое дело и тех людей, которыми управляют. Могло показаться, что это упрек информационным службам и социологии как науке об обществе. Но такое подозрение легко опровергалось: во-первых, Ю. В. Андропов прежде возглавлял два ключевых информационных центра страны – международный отдел ЦК и КГБ – и, следовательно, по этим каналам обладал всей полнотой информации; во-вторых, вряд ли он мог иметь в виду социологию, которая в то время еще только становилась на ноги, пытаясь обрести самостоятельный научный статус и реактуализироваться в познании общества.

К сожалению, Ю. В. Андропов не раскрыл свою мысль, не показал, где, по каким направлениям, в каких видах жизнедеятельности нам не хватает знаний о своем обществе, какими причинами это вызвано и к каким последствиям может привести. Ясно только одно: он почувствовал эту проблему, может быть, пока интуитивно выделил ее из множества дел и забот, готовил какие-то решения и т. д., но болезнь помешала ему развернуть эту работу, чтобы узнать общество лучше, если не хорошо, то по крайней мере удовлетворительно.

Сегодня мы понимаем, что эти сакраментальные слова, произнесенные мимоходом, – как предупреждение и призыв – оказались пророческими. Не прошло и десяти лет, как распался Советский Союз; общество, в созидание которого через преодоление бесчисленных трудностей было вложено столько сил несколькими поколениями, а в героическую защиту – столько жертв, выросших в нем молодых (в основном) людей, рухнуло.

И сколько бы не называть причин этой катастрофы, все в конечном счете сводится к тому, что мы плохо знали общество, в котором жили.

В чем же было наше незнание? К примеру, социологи уже тогда отмечали, что на страну надвигается своего рода пандемия, зародившаяся в южных регионах, – странный уклад жизни с заимствованным реципрокным принципом *Do, ut des* (лат. – даю, чтобы и ты мне дал). Он возник в архаическом обществе задолго до появления рынка с его куплей-продажей для характеристики процесса дорообмена как максимы, согласно которой каждый дар должен быть «оддарен», или оказания услуги за услугу. Так утверждалась, распространялась и фактически легализовывалась извращенная форма реципрокации, т. е. взаимобмена услугами. Извращенность состояла в том, что в отличие от рынка, где услугу можно приобрести за деньги, здесь шел бартерный (безналичный) обмен услуги на услугу: ты мне, я тебе. Но доступ в эту цепь обменов открывался лишь тому, кто получал такое место работы (должность), которое позволяло оказывать услуги населению, в рамках служебных обязанностей выполнять те или иные заказы людей. Так рождалась латентная система тотального взяточничества. Рядовые исполнители сдавали определенный процент своей выручки сборщику для передачи наверх. Но из этой реципрокной цепи выпадали все те, кто был не при должности, т. е. простые люди. Поскольку им приходилось давать мзду за то, что, как правило, входило в служебные обязанности вымогателей, они видели в этом очевидную несправедливость и винили в конечном счете центральную власть, высшее руководство страны. В таких настроениях следует искать и глубинные корни возникшего уже при М. С. Горбачёве республиканского сепаратизма, стремления к выходу из СССР и обретению независимости. Этот процесс – создание национальных фронтов, проведение массовых демонстраций, лозунг самоопределения, критика существовавших порядков и т. п. – чаще всего связывают с национализмом, хотя он был скорее общим фоном. В Беларуси националистические проблески не имели сколь-нибудь широкой массовой поддержки, что и показали первые президентские выборы 1994 г., на которых с большим преимуществом А. Г. Лукашенко победил лидера БНФ З. С. Позняка.

Эти моменты Ю. В. Андропов тонко уловил лишь тогда, когда стал главой государства. В отличие от своих предшественников – Н. С. Хрущёва и Л. И. Брежнева – он понял, что главное – в знании общества и его уровне, особенно в высших эшелонах власти. Те громкие судебные процессы, которые он инициировал, как раз и были направлены на предотвращение расползания реципрокных укладов и отношений по стране, искоренение подобных настроений и ориентаций. Подняв

эту проблему на высший уровень, он показал, что одним из главных приоритетов для страны, ее безопасности должно быть знание своего общества, особенно его эмерджентных (англ. *emergent* – внезапно проявляющихся) качеств, латентных

(скрытых до поры до времени) импульсов и социальных движений. Такой подход относительно интерпретации мысли Ю. В. Андропова имеет принципиальное значение для всех социогуманитарных наук, но в первую очередь для социологии.

Социологическая экспозиция парадигм познания общества

Социология *ab ovo* (лат. – с самого начала, т. е. по природе своей) претендует на знания о целостности общества, каузальности и атрибуции человеческого общежития, совместной жизни. Этим она отличается от тех наук, которые изучают отдельные стороны, аспекты, фрагменты общественного бытия, социальной реальности, и поэтому ее можно справедливо назвать *sociology perennis* – вечной социологией, хотя она возникла и конституировалась позже философии, которую считали вечной уже в Средние века. Но в научно-терминологическом аппарате слово «общество» имеет полисемичный, пакетный характер, т. е. относится к таким понятиям, которые А. Бергсон называл композитами, а А. И. Ракитов считал, что разграничивать такое семейство «по чисто формальным, структурным характеристикам, как правило, невозможно» [2, с. 28]. Так возникло много относительно автономных дисциплин – социология культуры, политики, социальной сферы, труда, управления, образования и др., – которые обретают свое теоретическое и практическое значение только при соотношении с целостностью общества. Отсюда вытекает когнитивный вопрос фундаментальной важности: что значит знать общество? В поисках ответов на этот вопрос до сих пор ощущается методологический раскол между номинализмом и реализмом, корни которого уходят в давнюю философскую полемику о соотношении единичного и общего.

Социологический номинализм утверждает, что общество – это обозначение (наименование) совокупности людей, живущих и действующих здесь и сейчас. Кредо номинализма: «нет людей – нет общества», поскольку источником и единственным субъектом социальности являются индивиды. Таким образом, отрицается онтологическое содержание таких общих понятий, как «общество», «коллектив», «институт», «организация» и т. д. Соответственно, в методологическом плане признается, что исходным элементом социологического анализа является не социальная целостность как самостоятельное образование, а отдельные индивиды и их социальные действия. Это и есть, по их мнению, ответ на поставленный вопрос.

Социологический реализм понимает общество, а также его институты (государство, семью и т. д.), сферы, организации как надындивидуальные образования *sui generis* (лат. – особого рода, своеобразный). Они получают свое качество социальности не от взаимодействия конкретных (эмпирических)

индивидов, наоборот, индивиды социализируются, приобретают социальные качества только через приобщение к уже существующим надындивидуальным формам и институтам – путем усвоения (интернализации) социальных норм и ценностей, этикетных и профессиональных правил (типа ПДД), ролевых ожиданий, знаково-символических форм коммуникации (живой язык, логика мышления, формулы) и проч. В этом смысле, по оценкам реалистов, общество властвует над индивидом, заполняя его сознание своими идеями, ценностями и образами. Согласно парадигме Э. Дюркгейма оно обладает могущественной, непреодолимой силой принуждения по отношению к индивиду. Но это принуждение не столько физическое, сколько когнитивно-оценочное, что и сегодня характерно для сельского мира, где общественное мнение сохраняет в значительной степени свою стимулирующую и регулятивную функции и имеет существенное значение. Как видим, для реалистов знание общества состоит в раскрытии природы и сути *sui generis* надындивидуальных форм его бытия.

Вообще, раскол в социологии между реализмом и номинализмом в некоторой степени стимулировал исследования, поиск аргументов и доказательств верности той или иной позиции. Но отрицательные, деструктивные последствия оказались значительно существеннее таких плюсов. Так, номинализм объективно вел к растворению социологии в психологии, персонологии, антропологии, психоанализе и других человековедческих дисциплинах. Он фактически поощрял ориентацию на атомизм в методологии и мировоззрении. Неслучайно А. Маслоу (1908–1970), основоположник гуманистической психологии США и страстный защитник холизма (одна из форм реализма), жалуясь, что холистический подход пока почти не используется в науке, хотя всем понятно, что всякое общество едино и внутренне взаимосвязано, писал: «В последнее время я все больше склоняюсь к мысли о том, что атомистический способ мышления следует рассматривать как мягкую форму психопатологии или, по крайней мере, как одну из составляющих синдрома когнитивной незрелости» [3, с. 13–14]. В этих несколько резких словах есть резон: например, в социологии номинализм (атомизм) выбросил большинство общих понятий, отказался от исследований в области теории коллектива, изучения позитивных эффектов кооперации, вызывающих, по словам К. Маркса, «свое-

образное повышение жизненной энергии (animal spirits), увеличивающее индивидуальную дееспособность отдельных лиц» [4, с. 232].

Но, на наш взгляд, главным просчетом методологии номинализма является исключение из онтологии общества, а значит, и из предметного поля его социологического познания, такого важного феномена, как социальное наследование, которое поддерживает и центрирует воспроизводство целостности в диахронном плане, т. е. во времени. Имеется в виду передача накопленных предшествующими поколениями достижений – материальных, культурных, интеллектуальных и др. – своим последователям. Действительно, если общество есть организованное множество индивидов *здесь и сейчас*, то для объяснения источников побудительных сил акторов нет никакой необходимости обращаться к прошлому, к деяниям или переживаниям предшественников. Нельзя не согласиться со следующей оценкой британского социолога М. Арчер: «Путаница в ответах на эти вопросы [о знании общества] происходит из-за слишком резкого и совершенно ненужного логического перехода от банального “нет людей – нет общества” к в высшей степени сомнительному утверждению “вот это общество, ибо люди эти – здесь”» [5, с. 56]. Заметим, что У. Шекспир, сочиняя свою знаменитую метафору – «прервалась связь времен» – прекрасно знал, что время нельзя ни остановить, ни повернуть назад, ни оборвать; он имел в виду иное, а именно нарушение естественного хода жизни с его логикой преемственной передачи наследства от отца к сыну, от старшего поколения к младшему как незыблемого закона сохранения целостности, порядка и стабильности общества. Эту тему предельно обострил французский психолог А. Пьерон. Он писал: «Если бы нашу планету постигла катастрофа, в результате которой в живых остались бы только дети, а взрослое население погибло, то хотя человеческий род не прекратился бы, однако история человечества неизбежно была бы прервана. Машины бездействовали бы, книги оставались бы непрочитанными, художественные произведения утратили бы свою эстетическую функцию» [6, с. 423]. Из этой иллюстрации видно, что, хотя индивиды остались *здесь и сейчас*, но из-за разрушения социального наследования общество исчезло, история человечества должна была бы начать свое восстановление еще труднее, чем после библейского Всемирного потопа.

Таким образом, номиналистическая парадигма общества как суммы индивидов весьма уязвима с точки зрения знания об обществе, полноты описания, объяснения и использования данных. Японский социолог Т. Огане в статье о Г. Зиммеле пишет: «Когда Зиммель пытался доказать, что предметом его социологии могло бы стать взаимодействие

индивидов, многие его современники еще поддерживали идею социального номинализма, согласно которой общество номинально, а реально существуют только индивиды. Но тогда не было бы социологии как науки, так как не было бы предмета для нее» [7, с. 88].

Родоначальник социологического реализма как методологической парадигмы Э. Дюркгейм назвал общество «досадным фактом». Эта метафора редко цитируется, немногие пытаются ее понять и эксплицировать. Не вдаваясь в специальный анализ, отметим, что мог иметь в виду Э. Дюркгейм, исходя из логики его мышления. Во-первых, по его мнению, в отличие от сингулярных объектов естествознания онтология социальной реальности синтетична: в ней своеобразно слиты достижения предыдущих поколений с деятельностью ныне живущих *здесь и сейчас* людей. Досадность этого факта в том, что многие не хотят видеть и правильно оценивать вклад ушедших, которых, по словам О. Конта, подавляющее большинство (сегодня это более 110 млрд человек, а живет на планете 7,5 млрд), ограничиваясь доступными *ad hoc* (лат. – специально для этого) наблюдениями. Во-вторых, общество воспроизводит и создает все новые роли для людей или, как говорил вслед за Э. Дюркгеймом Г. Зиммель, «производит в себе и предлагает некоторое “место”, которое, правда, отличается от других по содержанию и очертаниям, но в принципе может быть заполнено многими, и поэтому есть нечто анонимное <...> но индивид занимает это место на основании внутреннего “призвания” (*rufes*), квалификации, воспринимаемой как вполне личная» [8, с. 113]. В-третьих, человек есть общественное существо *per se* (лат. – само по себе), а значит, не будь общества, не было бы и людей, ибо «феральные люди» (от лат. *ferre* – как бы, наподобие) по классификации К. Линнея (дети-маугли и др.) не могут ни гоминизироваться (очеловечиться), ни социализироваться (стать личностью, способной самостоятельно решать проблемы). В-четвертых, комментируя выражение «досадный факт», М. Арчер пишет: «Социальные структуры (институты – государство, семья и др., нормативно-ценностные системы, паттерны отношений, законодательные установления и проч. – С. III.) суть результаты, пережившие прошлые действия людей <...> именно так, избегая приговора времени социальные структуры становятся *sui generis*» [5, с. 62]. В-пятых, Э. Дюркгейм так разъясняет смысл надындивидуального: «Если указанный синтез *sui generis*, образующий всякое общество, порождает новые явления, отличные от тех, что имели место в отдельных сознаниях (и в этом с нами согласны), то нужно также допустить, что эти специфические факты заключаются в том самом обществе, которое их создает, а не в частях, т. е. в его членах» [9, с. 13].

«Методологический индивидуализм» вытекает из онтологических оснований номинализма вообще. Эти основания состоят в следующем: 1) общество есть совокупность индивидов; 2) надиндивидуальные образования только абстракции, они не имеют эмпирического смысла; 3) общество лишено системных свойств и поэтому не определяет действия индивидов; групповое давление есть сумма давлений членов группы, социальные изменения – сумма индивидуальных изменений [10, с. 30]. Тем самым из социологической науки изгоняются общественное мнение и массовое сознание, коллективные представления и менталитет народов, все формы общественного сознания, поскольку в силу своей историчности и кумулятивности они в принципе не могут быть аддитивными.

На первый взгляд может показаться, что именно реализм должен быть принят в качестве социологической методологии. Однако необходимо учитывать, что абсолютизация онтологических предпосылок реализма чревата недооценкой субъективных факторов социального действия, в том числе и научно-технического прогресса, инновационности, вольным или невольным уходом в область социологизма (вульгарного) и реификации («факты как вещи»). У Э. Дюркгейма это выразилось в сакрализации и гипостазировании общества. Социологизм, признавая общество надличностной реальностью, забывает, что она не может быть безличностной. Такой подход, как свидетельствуют исторические примеры, ведет к деформации общественных отношений.

При методологическом осмыслении оппозиции «субъективное – объективное» необходимо учитывать, во-первых, опыт историко-философского анализа данной категории, бинаризма вообще; во-вторых, современные тенденции к становлению субъектности, т. е. превращение индивида в субъект деятельности и всех общественных процессов. Характерное для отдельных направлений переопределение терминов ведет к размыванию классической субъект-объектной схемы познания, вплоть до устранения субъекта. По поводу последних усилий К. Поппер иронизировал, что они хотели бы создать «теорию познания без познающего субъекта (перевод наш. – С. Ш.)» [11, р. 112].

В психологии данная оппозиция рассматривается как одна из девяти биполярных шкал, раскрывающих природу человека. С ее помощью выясняется, что больше влияет на поведение: личный субъективный жизненный опыт или внешние объективные факторы? «В этом заключается суть положения о субъективности-объективности» [12, с. 46]. В социологии данный психологический аспект учитывается при изучении субъективных и объективных факторов социального действия, индивидуальной

и групповой активности. Но область применения шкалы значительно расширяется за счет включения социальной реальности и знаний в предметное поле исследования. Обращаясь к историческому опыту, необходимо отметить, что классическая схема S-O была предложена Р. Декартом. Она обладает рядом особенностей, которые не всегда точно эксплицируются критиками. Во-первых, важно учитывать, что это аналитическая схема, следовательно, она создана с использованием приемов абстрагирования, изоляции и др. Р. Декарт пишет: «Так, например, точки, которые обозначают число треугольников или генеалогическое дерево, объясняющее чью-нибудь родословную и пр., являются фигурами, представляющими множества» [13, с. 153]. Разумеется, тот, чья родословная изображена, заменит точки конкретными лицами. Однако схема сохраняет наглядную представленность ветвистости всех линий родства. Во-вторых, это модель познавательного процесса, и только. Поэтому попытки представить ее как деление мира на два множества субъектов и объектов некорректны. В-третьих, Р. Декарт под объектом имел в виду все то, на что направлено познание, он приводит пример задачи нахождения гипотенузы прямоугольного треугольника по известным катетам. Субъектом же выступает познаватель. Гносеологический субъект – это абстракция, в нем нет каких-либо демографических, психологических и других признаков, кроме одного – способности к познанию (в примере Р. Декарта субъектом является тот, кто хорошо усвоил теорему Пифагора). Значит, не каждый человек может быть субъектом тех или иных видов познания. «Руководство для ума» Р. Декарт и создал для того, чтобы расширить такие человеческие возможности. Позже И. Кант ввел понятие «трансцендентальный субъект», под которым, если снять терминологическую завесу, выступает ученый методолог, способный не только познавать некоторые классы объектов, но и сам процесс познания, разрабатывать новые методы исследования. Такой субъект более свободен в выборе объектов познания и когнитивно оснащен для конструирования предмета исследования.

Мы остановились на этой теме, чтобы подчеркнуть, что, хотя исторически теория познания развивалась опережающими темпами, классическая модель все-таки сохраняет свое значение. Во всяком случае невозможно представить, чтобы новое знание было получено без субъекта познания: индивида, коллектива, общества, человечества.

Со временем термин «субъект» был перенесен во все иные виды и сферы деятельности. Теперь под субъектом понимается активное начало, самопроизвольный источник творческой энергии, инновационного развития. Такое понимание вскоре

было подвергнуто критике, особенно когда субъектом истории стали называть народные массы, включать в анализ политическую деятельность, культуру, социальное творчество. В результате многие западные социологи стали искать иные нейтральные термины. Так, у Т. Парсонса появился «актор» (с ударением на первом слоге), у П. Бурдьё – «агент», у Й. Хейзинга – «игрок» и т. д.

Э. Дюркгейм, выясняя, что такое социальные факты, приводит множество примеров: знаковая система, налагаемые на нас гражданские обязанности, деньги и орудия кредита, профессиональные требования и религиозные верования, т. е. все то, что человек находит уже готовым, существующим до него, а значит, и вне его. Тем самым вводится категория объективного в социальный мир, который для идеалистически мыслящих философов, теологов представлялся как исключительно субъективный по своей природе. Э. Дюркгейм акцентирует принципиальный момент того, как достижения предшествующих поколений обретают самостоятельное существование, объективируются подобно предметам природы. «Следовательно, эти способы мышления, деятельности и чувствования обладают тем примечательным свойством, что существуют вне индивидуальных сознаний» [9, с. 30]. Поэтому атрибутивной чертой социальных фактов, отличающей их от психологических, биологических и др., Э. Дюркгейм называет их собственное существование, независимое от индивидуальных проявлений.

Таковы две основные социологические парадигмы как методологические стратегии познания общества – реализм и номинализм. Несмотря на многие попытки провести их конвергенцию, преодолеть свойственные каждой из этих парадигм ограничения, противоречивые выводы, альтернативность и проч., они и сегодня сохраняют свою специфическую автономность; на их основе и в их рамках разрабатываются собственные описательные схемы, строятся познавательные и объяснительные модели, реализуются технологии прогнозирования, предлагаются практические рекомендации.

Вместе с тем в последнее время активно разрабатывается третья, конструктивистская, парадигма, направленная на то, чтобы прежде всего преодолеть недостатки каждой из двух первых, а также обосновать новаторские подходы к познанию общества. «Суть социологического конструктивизма, – пишет Ж. Т. Тощенко, – состоит в том, что он анализирует и интерпретирует социальную реальность, социальную жизнь и, соответственно, жизненный мир во всем их многообразии. При конструктивистском подходе существенным оказываются *модусы времени – прошлое, связанное с категорией «значение», настоящее, представленное в ценности, будущее, выраженное в цели* [14, с. 32].

Обратим внимание на то, что Т. Парсонс, пытаясь найти социологический смысл во фрейдовской концепции взаимоотношений «врач – пациент как социальная система», замечает, что в психоанализе они «представляют собой крайний и потому в некотором ограниченном смысле *парадигматический пример* (курсив наш. – С. Ш.) этих взаимоотношений» [15, с. 85–86]. Как видно, автор имеет в виду не парадигму как методолого-теоретический образец познания, а лишь идею о крайних и ограниченных парадигматических примерах толкования, рецепции, в данном случае – отношений между врачом и пациентом.

Если эту идею применить к обществу, то можно выделить по крайней мере три парадигматических примера дефинирования данного понятия. Во-первых, это определение общества как обособившейся части природы. Этот пример во все времена служил обоснованию материализма по схеме: раз природа материальна (что бесспорно), то и общество, как ее часть, материально. Но еще в советское время Ю. К. Плетников писал: «При рассмотрении природы в широком смысле слова географическая оболочка включает в себя человеческое общество, при рассмотрении природы в узком смысле – противопоставляется обществу, становится его географической средой» [16, с. 58].

Во-вторых, эволюционистское утверждение о том, что общество (человечество) есть организм. Автор этой дефиниции английский социолог Г. Спенсер выделил четыре признака, по которым общество конгруэнтно (подобно) организму: а) рост массы; б) усложнение структуры; в) взаимозависимость частей; г) продолжительность жизни целого больше, чем составляющих его единиц. Такое уподобление не имеет какого-либо научного смысла, если иногда и встречается, то лишь как иллюстрация. Характерно, что против такого подхода одним из первых, даже раньше научного сообщества, выступил Л. Н. Толстой. Он писал: «Вы говорите, что общества подобны организмам по этим четырем признакам, но ничего этого ведь нет. Вы только берете некоторые признаки организма и под них подводите человеческие общества <...>. На таком основании под признаки организма можно подвести что хотите» [17, с. 338].

В-третьих, дефиниция, предложенная Т. Парсонсом: «Общество есть такой тип социальной системы во всей совокупности социальных систем, которая достигла высшей степени *самодостаточности* в отношениях со своим окружением» [18, с. 792]. При всей, казалось бы, очевидности, критерий самодостаточности скорее относителен, чем универсален, к тому же он плохо поддается операционализации. Для социологии общество – это прежде всего *страна-государство*. Сегодня на планете Земля 220 таких самостоятельных обществ,

т. е. суверенных государств. И все они являются самодостаточными просто по факту своего существования, и в этом все они как будто бы равны. Но с точки зрения жизнеобеспечения о равенстве говорить не приходится. Следовательно, социолог должен ввести шкалу уровней самодостаточности, определить показатели уровней и т. д. Т. Парсонс фактически не обратил внимания на судьбы тех обществ, которые сложились исторически при переходе от родового строя к рабовладению и феодализму, если учитывать классификацию, предложенную формационной теорией. А таких обществ (*стран-государств*) было очень много: только Аристотель, работая над книгой о государственном устройстве и политике в Древней Греции, собрал более 150 конституций самостоятельных государств; на территории Беларуси до создания ВКЛ насчитывалось более 20 княжеств; Г. В. Ф. Гегель писал о Германии, что она распалась на 360 самостоятельных единиц, в том числе 50 вольных городов, и представляет собой возведенную в государственный порядок анархию, какой мир еще никогда не видел [19, с. 431]. Вспоминая Урарту, Ассирию, Вавилон, Шумер, Аккад, государства инков и майя, самобытные племена индейцев и многие другие, невольно задумываешься, как и почему они сошли с

карты человечества. Ведь самодостаточность, если они ею обладали, должна была бы включать и обеспечение безопасности, достаточную оборону. Этого, однако, не случилось, что ставит под сомнение парадигматический пример Т. Парсонса.

Таким образом, в методологическом плане в очередной раз реактуализируется проблема преодоления раскола между социологическими парадигмами номинализма и реализма, их конвергенции и преодоления присущих каждой из них ограничений. Здесь уместна аналогия с биологической наукой. Так, за последнее время значительных успехов достигла молекулярная биология, изучающая жизненные явления на молекулярном уровне, т. е. на уровне молекул, из которых состоит клетка. Но эти знания приобретают практическую и эвристическую значимость в контексте ответов на вопросы: что такое жизнь? чем живое отличается от неживого? каковы общие свойства живых организмов? Ответы на них может дать только общая биология. Так и в социологии. Знание о человеческих диспозициях, поведении людей в разных ситуациях полезно, если известно, что такое общество как целостность, как оно возникает, каковы его структура и динамика, какие факторы влияют на его устойчивость и развитие.

Четырехфункциональная парадигма Т. Парсонса

Вклад Т. Парсонса в социологическую науку многогранен и неоспорим. Он действительно создал систему координат, понимаемую как понятийный аппарат и логическая схема моделирования и анализа сложных общественных проблем. Нельзя не согласиться со следующей оценкой автора, высказанной В. Ф. Чесноковой: «Концепция Парсонса дана нам на будущее. Мы еще очень многому можем научиться у этого ученого. Более того, хочется сказать, что концепция Парсонса все еще остается данной на будущее также и мировой социологии. Хотя прошло много лет, появились новые школы и направления, тем не менее солидных работ, развивающих концепцию Парсонса или как-то ее замещающих, пока не видно. Дело в том, что сфера макросоциологии – главная сфера работы Т. Парсонса – как бы временно оставлена социологами» [20, с. 14]. Характерно также, что рецепция Т. Парсонса мировой социологией является неоднозначной. С одной стороны, социологическое сообщество еще при жизни признало его живым классиком своей науки, с другой – многие видели в нем любимую фигуру для критики. Причем если американские и европейские социологи критиковали его за структурно-функциональный анализ, нормативизм, защиту порядка, стабильности, гомеостаза (равновесия), сложность изложения и т. п., то марксисты обвиняли его в позитивизме, фрейдизме, апологетике капитализма, отказе от принятия

материалистического понимания истории и др. От первых он успешно отбивался, разъясняя свою позицию, показывая ошибочность аргументов противников. С марксистами он в прямую полемику не вступал, хотя в СССР его публикации появились еще в 1960-е гг. Но он один из немногих, кто активно использовал термин «коллективизм» как форму социальной жизни. О К. Марксе он писал: «Я очень рад признать, что на социологическом уровне Маркс является одним из символических *дедов* теории действия» [18, с. 67]. Вместе с тем он замечает, что К. Марксу, «прежде чем стать отцом науки», следовало отказаться от роли революционного лидера. И действительно, ряд положений, включенных К. Марксом в теорию, были взяты из революционной практики, например обнищание пролетариата, ликвидация денег при социализме, уничтожение частной собственности, общественного разделения труда, равная оплата труда «тачечника и архитектора» (уравниловка) и др., что, воспринятое как истина, деформировало социалистическое общество.

Т. Парсонс создал четырехфункциональную парадигму путем сложного анализа уже имеющихся стандартных переменных, разработанных им в теории действия. Это позволило выделить две новые оси дифференциации – внешне-внутреннюю и инструментально-консумматорную. Их перекрестное объединение в таблицу позволило найти четыре новые позиции, которые он назвал функциями.

Эту схему ученый использовал для анализа общества как социальной системы, введя такой термин, как «социетальное общество», и специальные обозначения этих функций.

Т. Парсонс использовал термин «социетальный» для обозначения высшего уровня системных образований. Так, характеризуя взаимопроникновение религиозного и светского в западном мире, он отмечает: «Верховный социетальный коллектив стал государством, управляемым мирянами» [18, с. 586]. Потребность в категоризации данного термина связана с тем, что понятие «общество» является достаточно многозначным, что затрудняет выделение разных по содержанию классов объектов. В связи с этим, например, Ф. Хайек заявлял: «Я дал себе зарок никогда не употреблять слова “общество” (society) или “социальный” (social)» [21, с. 189]. Но если Ф. Хайек не предложил каких-нибудь новых терминов, то Т. Парсонс попытался уточнить и усовершенствовать понятийный аппарат: «Многие социальные системы, – по его словам, – такие как местная община, школа, предпринимательская фирма и единица родства – это не общества, а подсистемы общества». К числу наиболее развитых в структурном плане обществ современного типа Т. Парсонс отнес Соединенные Штаты Америки, Советский Союз и Японию [18, с. 785]. Таким образом, под социетальным обществом понимается *страна-государство*, обладающая высокой степенью самодостаточности, социокультурной и гражданской идентичностью, ценностным единством, воспроизводством населения путем рождения, законодательной системой, географическими границами территорий и др. Соответственно, социетальный порядок характеризует уровень организации такого общества как целостности.

Первое, на что обращает внимание Т. Парсонс, – это универсальное отождествление структуры высшего коллектива с политической организацией и объединение последней с правовой системой. Он поясняет: «Нет такого общества, которое отжило бы допустить, чтобы какой-либо другой нормативный порядок взял верх над порядком, санкционированным политически организованным обществом. Действительно, провозглашение любого такого альтернативного порядка есть революционный акт, и органы, ответственные за это, должны отвечать за свои действия на правах политической организации» [18, с. 588]. Что касается роли революций в обеспечении социального порядка, то Т. Парсонс следует линии О. Конта, А. де Токвиля, Г. В. Плеханова, делавших ставку на реформы, но не К. Маркса, называвшего революции «локомотивами истории», и не В. И. Ленина, утверждавшего, что главный вопрос революции – переход государственной власти из рук одного *класса* в руки другого. По Т. Парсонсу, решающее значение для созда-

ния и поддержания социетального порядка имеют процессы институционализации и координации взаимодействия институтов.

Под институционализацией в этимологическом смысле можно понимать превращение некоторых общественных функций в социальные институты с приданием им соответствующего статуса. С содержательной точки зрения институционализация означает легализацию (узаконивание) и легитимизацию социально значимых повседневных практик, схем отношений, правил поведения, норм деятельности, символических систем, направленных на поддержание стабильности и повышение жизнеспособности социума. Легализация представляет собой законодательное оформление определенного института (брака, семьи, наследования, собственности и др.) на основе комплекса юридических норм. Легитимизация есть признание населением тех или иных институтов и действий, в том числе правовых норм и управленческих решений, соответствующих ожиданиям и перспективам развития с точки зрения духа законов, морали и потенциальных возможностей. Моральный аспект имеет огромное значение, поскольку нормы права не могут и не должны охватывать такие стороны жизни общества и личности, как индивидуальное потребление (вкусы, мода и т. п.), предпочтения в межличностных отношениях, выборе профессии, досуговых занятий и др. В этих сферах и сегодня велика роль общественного мнения, хотя оно не столь однозначно и категорично в своих оценках, как в традиционном сельском мире. Т. Парсонс выделяет четыре типа институтов:

- 1) реляционные – формирующие сами отношения (роли, позиции) в социальной системе;
- 2) регулятивные – поддерживающие баланс интересов с помощью распределения вознаграждений, доступа к социальным благам, ресурсам, информации и т. д.;
- 3) культурные – определяющие сферу экспрессивных символов, культурных ориентаций, убеждений и даже моделей моральной ценностной ориентации, когда в игру входит только *признание*, а не включенность в действие, т. е. религия и идеология;
- 4) интегративные – обеспечивающие стабильность и целостность системы, реализацию общих целей, общественного блага.

Институты направляют процессы деятельности, создают соответствующие механизмы стимулирования и мотивации, а также социального контроля. Кроме того, вводятся ограничения институционального уровня на те или другие действия, способные нарушить социальный порядок. Так, Т. Парсонс отмечает, что, хотя в современном американском обществе достижение прибыли санкционировано как приемлемая цель для индивидов и деловых фирм, тем не менее запрещена

продажа ради прибыли «некоторых морально цензурируемых развлечений», ограничиваются «попытки достижения цели при помощи силы или обмана», регулируется «производство оружия и некоторых видов публичных услуг» [18, с. 125].

Разумеется, такие ограничения есть, но насколько они достаточны и эффективны, особенно в свете растущего объема порнографической продукции, создаваемой американскими режиссерами для всего мира, или трагедии в американском штате Вирджиния 18 апреля 2007 г., когда студент расстрелял 33 своих сокурсника, и многих других разборок с применением оружия, от которого ежегодно погибает более 10 тыс. человек. Т. Парсонс поставил проблему, но не следует ожидать от него рецептов обуздания того же оружейного лобби, с которым неспособны справиться правительство и конгресс США.

Особое место в парсоновской модели социального порядка отводится четырехфункциональной парадигме. Общество для своего сохранения и развития должно выполнять некоторый минимум функциональных предписаний или императивов: адаптации, целедостижения, сохранения образцов и интеграции.

Адаптация есть способ взаимодействия социальной системы с окружающей средой, позволяющий не просто приспособливаться к ее изменениям, а овладевать природными ресурсами, климатическими и другими факторами за счет рациональной организации производственного потенциала (распределения людей, средств производства, орудий труда и др.). Этот императив воспринимает и реализует экономика.

Целедостижение – это обоснование стратегии развития: правильная постановка целей, выбор приоритетов с учетом, с одной стороны, потребностей и ожиданий людей, с другой – реальной оценки возможностей, в том числе и того, насколько общество способно напрячься, чтобы осуществить намеченное. Данное функциональное предписание входит в компетенцию политики, прежде всего государственных органов, а также партий и других организаций.

Поддержание образца (или латентность) понимается как сохранение и трансляция общесистемных стандартов действия, паттернов отношений, символического кода социума. Термин «латентность» показывает, что такие образцы (символы, стандарты) не существуют в прямой физической форме, как, например, вещи и т. п., они скрыты для несоциализированного индивида в самой культуре, и ему прежде всего необходимо понять и принять их символическое содержание. За выполнение данного императива отвечают институты семьи, образования, СМИ и др. Так, церемониал прошения у высших сил дарования дождя (у племени хопи)

есть функция явная, а то, что такой молебен сплачивает племя, – латентная.

Интеграция обозначает требование координации совместной деятельности, солидарности и сотрудничества, несмотря на возможные расхождения интересов, эмоциональное напряжение или разногласия в механизмах распределения тех или иных благ. В религиозном обществе интеграция обеспечивается религией, в светском – прежде всего идеологией, в смешанном – их совместными усилиями.

Каждая из выделенных четырех подсистем взаимодействует с другими таким образом, что, используя имеющиеся у нее средства (капиталы), вносит определенные вклады в их развитие и, соответственно, приобретает от них то, что необходимо для выполнения ее функциональных императивов.

Второй предпосылкой социетального порядка выступают принципы иерархии символических средств обмена и коммуникации. К ним относятся ценностные обязательства, влияние, власть и деньги. По Т. Парсонсу, на вершине иерархии должно находиться ценностное обязательство, понимаемое как привязанность и обобщенная способность вносить ценности в жизнь. В процессах обмена и коммуникации ценностное обязательство является оборотным средством, которое может накапливаться (как и деньги) институтами, партиями и отдельными лицами, обладающими моральным авторитетом и высоким уровнем доверия. Т. Парсонс считал одним из самых значительных достижений социологической науки веберовский анализ харизматического лидерства. Харизматик расширяет «банк ценностных обязательств» (число приверженцев и последователей) и на этой основе может реорганизовать существующую систему институционализированных ценностей, как это делали основатели мировых религий.

На втором месте – влияние как символическое средство социального сообщения и обмена. В его основе лежит социальная солидарность, перерастающая в идентификацию по признакам гражданства, партийности, ассоциации и др. Добровольные объединения людей можно рассматривать как «банки влияния», которое (влияние) лидеры могут использовать для повышения своей репутации, завоевания электорального большинства.

Далее идут такие символические средства, как власть и деньги. Иерархия символических средств обеспечивает информационную регуляцию социетального порядка. Так, подсистема латентности, производящая ценностные обязательства, информационно регулирует процессы интеграции и соответствующие ей «банки влияния». Подсистема интеграции, в свою очередь, информационно регулирует подсистему целеполагания («банки власти»), а последняя – подсистему адаптации, т. е.

экономику с ее символическим оборотным средством – деньгами.

Нарушение информационного порядка, когда, например, деньги становятся выше ценностных обязательств, влияния или власти или власть – выше ценностных обязательств и влияния (более высоких в иерархии), ведет к дезорганизации общества.

Таким образом, Т. Парсонс создал сложную разветвленную многоуровневую модель социального порядка. Важно учитывать, что это теоретико-аналитическая модель, а не отражение эмпирической реальности, но в ней есть определенная система координат (понятийная сетка), позволяющая ставить и исследовать конкретные социальные проблемы. «Я берусь утверждать, – отмечал Т. Парсонс, – что такой вклад может быть подлинно эмпирическим» [18, с. 24]. В отличие от Ф. А. фон Хайека Т. Парсонс не исключает из своей концептуальной схемы ни государства, ни общественные институты и не видит в рынке только экономическое явление. Он

подчеркивает: «Молчаливая посылка экономистов состоит в том, что неэкономические факторы нельзя анализировать на столь же теоретически специализированном уровне, как уровень экономической теории» [18, с. 57]. В силу этого экономическая теория и сегодня рассматривает только три из шести выделенных Т. Парсонсом рынков (рынок ресурсов, рынок труда и рынок норм распределения), оставляя вне своего внимания рынок ценностных обязательств, рынок средств влияния и рынок политической поддержки. Термин «порядок» уточняется ученым применительно к конкретным уровням анализа: единичного действия, интерактивной диалектики, системы действия и социетального общества. На социетальном уровне порядок – это не просто некоторое состояние общества, а желательный тип социальной системы. Эта идея позволяет подойти к изучению социального порядка с учетом представлений людей о должном, их ожиданий и оценок, а значит, проводить компаративный анализ данного феномена в различных регионах страны.

Взаимодействие основных сфер – основа стабильности общества

Т. Парсонс в своей концептуализации общества как социальной системы отказался от использования понятия «сфера общества» по непонятным причинам. Вместо этого он постоянно говорит о подсистемах общей системы действия. Это невольно ведет к номинализму, поскольку действовать могут лишь те люди, которые имеются *здесь и сейчас*. Но с другой стороны, говоря об экономике, политике, культуре, любой исследователь просто обязан учитывать достижения предыдущих поколений и рассматривать проблему социального наследования. Вместе с тем отсутствие в модели Т. Парсонса понятия социальной сферы потребовало введения других терминов. Так, он вводит понятие «социетальная общность» (*societal community*), которая возникает путем интеграции всех подсистем и структур низшего уровня. Тем самым он возвращается к традиционному различению общины и общества, предложенному Ф. Теннисом. Не вполне обосновано у Т. Парсонса выражение «фидуциарная подсистема» [22, с. 201], реализующая функцию сохранения образца. Поскольку этимологически термин «фидуции» обозначает отношение на основе презумпции доверия (общей веры), то он скорее подходит для характеристики межличностных контактов в рамках общины, чем латентных форм культуры.

Обратим внимание на то, что Т. Джонсон в своем предисловии к русскому изданию книги М. Новака «Дух демократического капитализма» отметил некоторую амбивалентность позиции автора. С одной стороны, его взгляды связаны лишь с верой

в человека, но не в Бога или возможность спасения. С другой стороны, обращение М. Новака к анализу общества с разделением последнего на три сферы имеет определенно религиозные предпосылки. Т. Джонсон пишет: «Предложение различать экономическую, политическую и духовно-культурную сферы в обществе прозвучало впервые еще на Втором Ватиканском соборе (1962–1965) католической церкви и зафиксировано в документе под названием *Gaudium et Spes. Pastoral Constitution on the Church in the Modern World*»¹ [23, с. 14].

Как видим, указывается на приоритет Ватиканского собора в разделении общества на три сферы. Но вместе с тем здесь нет социальной сферы и, следовательно, предполагается, что все, что связано с непосредственным жизнеобеспечением, – социальная защита, пенсии и пособия, субсидиарность, охрана здоровья, образование и др. – передано другим институтам, например страховым, маркировано в форму услуг и возложено на тех, кто в таких услугах нуждается. И, конечно, поскольку работа выполнена в теологическом ключе, строго научной категоризации терминов в ней не предусмотрено: сферы общества понимаются только как его части, в лучшем случае – его подсистема.

Сферные идеи и соответствующий понятийный аппарат активно разрабатывались в марксистской социологии и социальной философии с конца 1950-х гг. [24; 25]. Обращение к данной проблематике определялось прежде всего тщательным анализом работ классиков марксизма. К. Маркс писал: «Способ производства материальной жизни

¹«Обретение надежды. Пасторское послание о церкви в современном мире».

обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [26, с. 7]. Отсюда вытекала правомерность и целесообразность деления общества не на три, а на четыре основные сферы, включая социальную. Вместе с тем выяснилось, как отмечал В. С. Барулин, «что пока еще нет общепринятого, теоретически развернутого определения сферы общественной жизни» [27, с. 47]. «Все исследователи, по его словам, под сферой общества понимают его определенную сторону, область, часть, объективно существующую, структурно оформленную и связанную с другими сферами, с обществом в целом. Однако такая трактовка сферы общественной жизни еще не имеет категориального статуса. Это, скорее, первое вычленение какого-то явления без строгого теоретического обоснования» [27, с. 47]. В. С. Барулин в качестве основания категоризации предложил принять законы функционирования и развития соответствующих сфер. Он писал: «Характеристика сущности сферы общественной жизни возникает только тогда, когда выясняются те законы, которые объединяют все ее образования в нечто качественно целое» [27, с. 48]. К сожалению, данное предложение осталось нереализованным в том числе и потому, что в ряде направлений (методологический индивидуализм, идиографический метод и др.) статус социологического закона подвергнут критике и отрицанию.

Характерно также мнение Л. М. Семашко о первичности социальной сферы. Он пишет: «Из всех сфер объективно задающей является социальная (гуманитарная) сфера как сфера непосредственного бытия человека, его существования <...>. Сферная социология утверждает целевую подчиненность всех сфер не материальной, а социальной сфере <...>. Обратная нацеленность ведет общественную систему к самовырождению, самоликвидации» [28, с. 61].

На наш взгляд, такое противопоставление несостоятельно теоретически и вредно практически. Во-первых, от замены экономического детерминизма социологическим или иным нельзя ожидать системных сдвигов. Во-вторых, реальный человек живет не в одной, а во всех сферах общественной жизни, а значит, нуждается во всех их ресурсах и услугах. Скажем, ему нужна не только социальная защищенность, но и материальное благосостояние, политические права, гарантии, культурные достижения – от кино, СМИ, интернета до высокого искусства. Причем в доступе ко всем этим благам человек нуждается не разово, а каждодневно, в крайнем случае периодически.

Мы определяем данное понятие следующим образом. *Сфера общества представляет собой кластер институтов с имеющимися у них материальными и кадровыми ресурсами, инфраструктурой,*

коммуникациями, органами управления и др., объединенных на основе функционального назначения и единого принципа связи элементов в определенную качественную целостность, отличную от других общественных форм объединения, но взаимодействующих с ними в процессах системного воспроизводства социального общества (страны-государства). Под социальной сферой понимается совокупность отраслей непосредственного жизнеобеспечения населения, образующихся из низовых звеньев, ресурсы которых организованы в соответствии с заданным профилем и включающих такие институционализированные отрасли, как образование, здравоохранение, культура, жилищно-коммунальное хозяйство, санаторно-курортный комплекс, туризм (без экспортной части), физическая культура и спорт (без профессионального спорта), пенсионное обеспечение, социальная работа, защита уязвимых категорий и др.

Таким образом, четыре основные сферы общества когерентны (сцеплены друг с другом) следующим образом. Например, экономическая сфера получает от других такие вклады:

1) от сферы политики – цели и приоритеты, организованность всей общественной жизни, общую мобилизованность и др.;

2) от социальной сферы – лояльность, солидарность, упорядоченность конкурирующих притязаний, социальный капитал, минимизацию или смягчение конфликтов, дополнительные производственные эффекты сотрудничества и коллективизма;

3) от духовно-культурной сферы – высокий уровень готовности людей к экономической деятельности, социализированных и мотивированных индивидов, профессионализм работников, человеческий капитал.

В свою очередь, вклады экономики в другие сферы – это не только материальные средства к жизни, но и новые рабочие места, возможности выбора профессий, доступ к ресурсам и информации (новые средства связи, интернет и т. д.), социальным благам и услугам, вертикальную мобильность, иммиграцию, условия самореализации индивида. На уровне взаимообменов между основными сферами общества прежние категории (консистентность ориентации, согласование и взаимодополнение ожиданий и др.) не объясняют координированность действий институтов. Социетальный порядок требует эквивалентных обменов (входов/выходов) между подсистемами, например, если экономика ориентирована на производство ради производства или на прибыль любой ценой, то процессы обмена нарушаются, возникают явления дисбаланса, личностной демотивации, что отрицательно сказывается на устойчивости общества как целостной системы.

Библиографические ссылки

1. Кант И. Критика чистого разума. М., 2006.
2. Ракитов А. И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982.
3. Маслоу А. Г. Мотивация и личность. СПб., 2001.
4. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии : в 3-х т. М., 1956. Т. 1.
5. Арчер М., Оберемко О. А., Филиппов А. Ф. Реализм и морфогенез // Социол. журн. 1994. № 4. С. 50–68.
6. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1981.
7. Огане Т., Филиппов А. Ф. Социология на рубеже веков: Георг Зиммель // Социол. журн. 1994. № 2. С. 82–91.
8. Зиммель Г., Филиппов А. Ф. Как возможно общество? // Социол. журн. 1994. № 2. С. 102–114.
9. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
10. Шихирев П. Н. Современная социальная психология. М., 1999.
11. Popper K. Objective knowledge. Oxford, 1974.
12. Хьелл Л., Зиглер Т. Теории личности. Минск, 2001.
13. Декарт Р. Правила для руководства ума. М., 1936.
14. Тощенко Ж. Т. Социология жизни. М., 2016.
15. Парсонс Т., Ковалев А. Д. Интеллектуальная автобиография // Социол. журн. 1995. № 2. С. 73–94.
16. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное : в 2 т. / отв. ред. Ю. К. Плетников. М., 1981. Т. 1.
17. Толстой Л. Н. Так что же нам делать? // Собрание сочинений : в 20 т. М., 1964. Т. 16.
18. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
19. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет : в 2 т. М., 1990. Т. 1.
20. Чеснокова В. Ф. Предисловие // Т. Парсонс. О социальных системах. М., 2002.
21. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М., 1992.
22. История теоретической социологии : в 4 т. / под ред. Ю. Н. Давыдова. М., 1998. Т. 3.
23. Новак М. Дух демократического капитализма. Минск, 1997.
24. Тугаринов В. П. Соотношение категорий исторического материализма. Л., 1958.
25. Рожин В. П. Введение в марксистскую социологию. Л., 1962.
26. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. М., 1959. Т. 13.
27. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное : в 2-х т. / отв. ред. Ю. К. Плетников. М., 1983. Т. 2.
28. Семашко Л. М. Сферный подход. Философия, демократия, рынок, человек. СПб., 1992.

References

1. Kant I. [Criticism of pure mind]. Moscow, 2006 (in Russ.).
2. Rakitov A. I. [Historical knowledge. System and gnoseological approach]. Moscow, 1982 (in Russ.).
3. Maslou A. G. [Motivation and personality]. Saint Petersburg, 2001 (in Russ.).
4. Marks K. [Capital. Criticism of political economy] : in 3 vol. Moscow, 1956. Vol. 1 (in Russ.).
5. Archer M., Oberemko O. A., Filippov A. F. Realism and morphogenesis. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1994. No. 4. P. 50–68 (in Russ.).
6. Leont'ev A. N. [Problems of development of mentality]. Moscow, 1981 (in Russ.).
7. Ogane T., Filippov A. F. [Sociology at the turn of the century: George Zimmel]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1994. No. 2. P. 82–91 (in Russ.).
8. Zimmel G., Filippov A. F. [How society is possible?]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1994. No. 2. P. 102–114 (in Russ.).
9. Dyurkgeim E. [Sociology. Its subject, method, mission]. Moscow, 1995 (in Russ.).
10. Shikhirev P. N. [Modern social psychology]. Moscow, 1999 (in Russ.).
11. Popper K. Objective knowledge. Oxford, 1974.
12. Kh'ell L., Zigler T. [Theories of the personality]. Minsk, 2001 (in Russ.).
13. Dekart R. [Rules for the management of mind]. Moscow, 1936 (in Russ.).
14. Toshchenko Zh. T. [Sociology of life]. Moscow, 2016 (in Russ.).
15. Parsons T., Kovalev A. D. [Intellectual autobiography]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1995. No. 2. P. 73–94 (in Russ.).
16. Pletnikov Yu. K. (ed.). [Marxist-Leninist theory of historical process. Historical process: reality, materials basis, primary and secondary] : in 2 vol. Moscow, 1981. Vol. 1 (in Russ.).
17. Tolstoi L. N. [So to do to us?]. *Collected works* : in 20 vol. Moscow, 1964. Vol. 16 (in Russ.).
18. Parsons T. [About social systems]. Moscow, 2002 (in Russ.).
19. Gegel G. V. F. [Works of different years] : in 2 vol. Moscow, 1990. Vol. 1 (in Russ.).
20. Chesnokova V. F. [Preface]. In: T. Parsons. [About social systems]. Moscow, 2002 (in Russ.).
21. Khaiek F. [Harmful self-confidence]. Moscow, 1992 (in Russ.).
22. Davydov Yu. N. (ed.). [History of theoretical sociology] : in 4 vol. Moscow, 1998. Vol. 3 (in Russ.).
23. Novak M. [Spirit of democratic capitalism]. Minsk, 1997 (in Russ.).
24. Tugarinov V. P. [Ratio of categories of historical materialism]. Leningrad, 1958 (in Russ.).
25. Rozhin V. P. [Introduction to Marxist sociology]. Leningrad, 1962 (in Russ.).
26. Marks K., Engel's F. [Works] : in 50 vol. Moscow, 1959. Vol. 13 (in Russ.).
27. Pletnikov Yu. K. (ed.). [Marxist-Leninist theory of historical process. Historical process: reality, materials basis, primary and secondary] : in 2 vol. Moscow, 1983. Vol. 2 (in Russ.).
28. Semashko L. M. [Spherical approach. Philosophy, democracy, market, person]. Saint Petersburg, 1992 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 11.09.2017.
Received by editorial board 11.09.2017.